

то, что золотой период их изучения, увы, несомненно закончился. Социальные катаклизмы прошлого века стали причиной разрушительных изменений в традиционном диалектном ландшафте на огромных территориях России. Несомненно, наступило время интенсивных исследований того, что еще сохранилось, и углубленного изучения таких аспектов диалектного языка, которым уделялось недостаточно внимания в прошлом. К числу последних, по нашему мнению, относится прежде всего роль субстратных влияний как общей причины развития отдельных изменений в прошлом, так и их отражения в современной диалектной речи.

Стоя на пороге XXI века, мы надеемся, что уже в последующие десятилетия будут созданы обобщающие работы как описательного характера, так и по истории формирования русских говоров, в которых с максимальной полнотой будет использована база данных, созданная трудами предшествующих поколений диалектологов.

E-mail: cekm@post.omnitel.net

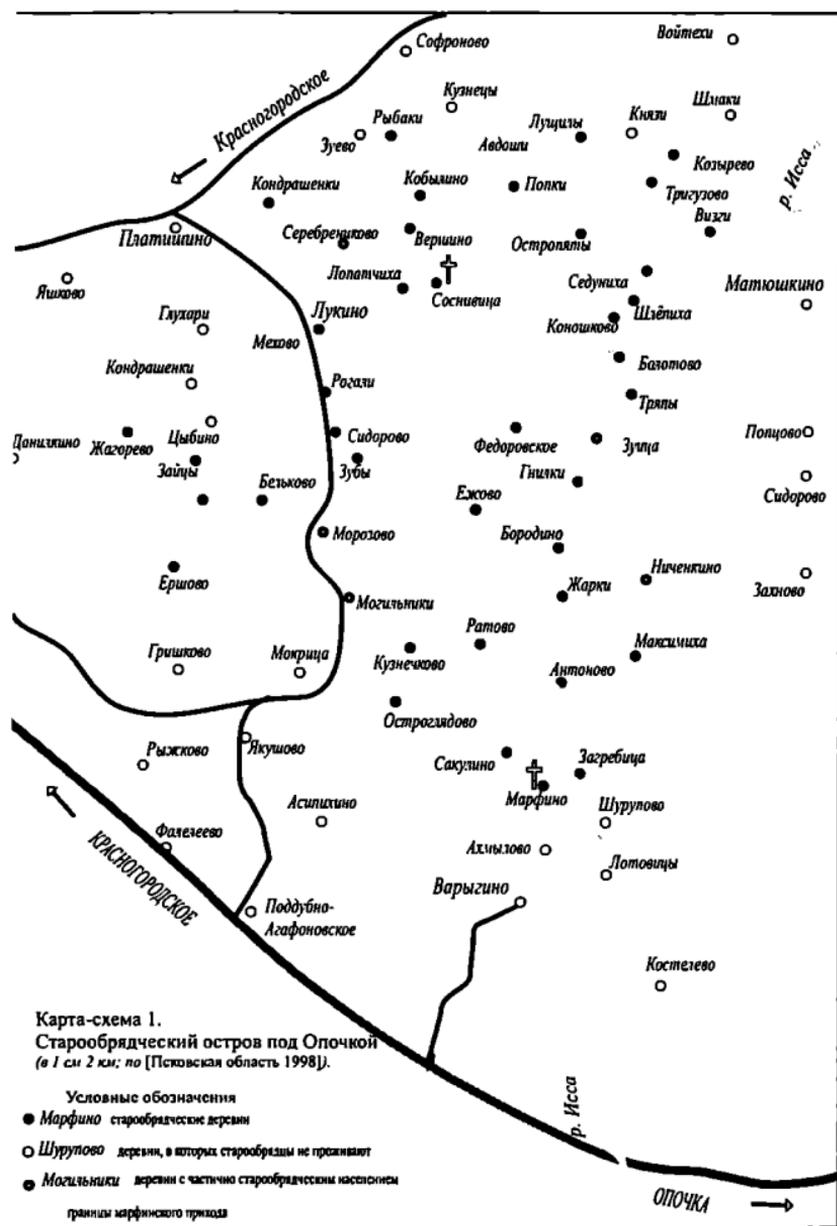
Валерий Чекмонас,
Вильнюс
Июль 2002 г.

Диалектологическая экспедиция по изучению старообрядческих говоров Псковщины

24–31 мая 2002 г. авторы данной заметки изучали особенности говора и традиционного уклада жизни старообрядцев, проживающих в деревнях северо-западной части Опочецкого и в соседних с ними деревнях Гра́инской волости Красногородского районов Псковской области. Предыстория этой совместной экспедиции представителей двух университетов и Института русского языка РАН такова.

Группа молодых исследователей из Бернского университета под руководством проф. Яна-Петера Лохера работает над проектом по изучению двусоставных несогласованных синтаксических конструкций в балтийских, финно-угорских языках и в русских говорах. По традиции эта группа сотрудничает с диалектологами из Института русского языка РАН, которых в данном случае представляла д-р Ольга Ровнова. Поскольку по крайней мере следы таких конструкций (типа *мьявó деда сарай па-стро́ина*) были обнаружены в магнитофонных записях из старообрядческих говоров Литвы, сделанных в 1996–2000 гг., проф. Я.-П. Лохер решил продолжить изыскания на Псковщине совместно с коллегами из Вильнюсского университета и обследовать с ними некоторые старообрядческие говоры в центральной части Псковской области, а затем — уже без них — говоры Гдовского района, где ранее были зафиксированы конструкции типа *тут волков хажено* ‘здесь ходили волки’.

Одной из важнейших задач экспедиции на первом этапе работы были поиски старообрядцев. По слухам было известно о существовании отдельных старообрядческих населенных пунктов к северо-западу от Опочки, а также в Дедовичском, Себежском, Невельском и Бежаницком районах. В Псковском педагогическом институте (из курсвой работы, выполненной на кафедре русского языка под руководством доц. Т.А. Пецкой) нам удалось узнать адрес наставника сельской общины под Опочкой Михаила Николаевича Тимофеева. От него мы получили уже вполне определенные сведения о многих деревнях Марфинского прихода в Опочецком районе. В последующие три дня члены экспедиции посетили большинство старообрядческих населенных пунктов вдоль течения р. Иссы и собрали сведения об уже несуществующих

деревнях. После отъезда части группы на Гдовщину эту работу — уже на территории Красногородского района — продолжили В. Чекмонас и Н. Морозова. Общие результаты обследования этого ареала представлены на карте-схеме 1.

Вдоль Иссы старообрядческие деревни расположены между поселками *Варыгино* Опочецкого района на юге и *Ильинское* (по местному — *Илья*) Красногородского района — на севере; по прямой между этими поселками 18 км (здесь и далее ударение в названиях населенных пунктов проставлено согласно произношению местных жителей; административное деление указывается по [Псковская область 1988]). На северо-востоке их ареал ограничен пос. *Матвеевское* Опочецкого района. В трех километрах к северу от *Варыгино* находится самая южная старообрядческая деревня *Марфино* — бывший приходской центр. Моленный дом здесь существовал до войны, в настоящее время верующие собираются на молитвы в частном доме. Самой северной деревней этого прихода было *Болотово*.

На западе цепочка старообрядческих деревень тянется вдоль дороги *Якушово* — пос. *Платишино* Красногородского района, а к северу от пос. *Лукино* их территория несколько расширяется. Все они принадлежат к Сосновицкому приходу; моленная в д. *Соснивица* сгорела в тридцатых годах, и с тех пор верующие собираются в частных домах. Самой северной деревней прихода является д. *Луцилы*, расположенная практически на стыке трех районов — Опочецкого, Красногородского и Пушкиногорского. По этой причине, видимо, к этой деревне нет подъездной дороги, да и проживает в ней только три человека.

Очерченная территория представляет собой практически сплошной ареал старообрядческого населения — настоящий остров в православном окружении. В этом острове только отдельные деревни были смешанными в конфессиональном отношении, по крайней мере, с начала XX в. К их числу принадлежит д. *Серёбренниково* Сосновицкого прихода, в котором издавна проживало семь староверов и четыре иноверческие семьи. Начиная с 30-х годов прошлого века, участились смешанные браки староверов с иноверцами, и по этой причине в целом ряде деревень в настоящее время проживает немало неперекрестившихся православных (ранее не старообрядцев обычно перекрещивали). Представители молодого поколения местных жителей проецируют это ситуацию в прошлое и часто утверждают, что большинство старообрядческих деревень всегда были смешанными в конфессиональном отношении, но староверы старшего возраста этой информации не подтверждают.

В послевоенные годы население большинства старообрядческих деревень — как и на территории всей Псковщины — катастрофически сократилось; в настоящее время во многих деревнях осталось по одному-два постоянных жыхаря — обычно преклонного возраста, а многие деревни вообще перестали существовать. Дома в деревушках вдоль Иссы раскуплены дачниками из Опочки; иногда в родительских домах доживают век городские пенсионеры.

К счастью, в дд. *Марфино*, *Антоново*, *Сидорово*, *Мехово*, *Соснивица* и других нам удалось найти еще местных староверов 1911–1920 гг. рождения (неграмотных или малограмотных) и записать от них рассказы на все интересующие нас темы. С более молодыми информаторами (родившимися в начале 30-х гг. и обычно окончившими 7–10 кл.) мы беседовали и в других деревнях; нередко их сообщения были не менее ценными, чем сведения старших лиц. В общем, членами экспедиции были выполнены магнитофонные записи приблизительно на 20 часов звучания. Они хранятся в Фонотеках кафедры славянской филологии Вильнюсского университета и Института русского языка РАН, а также в Бернском университете.

На картах Д(иалектологического)А(тласа)Р(усского)Я(зыка) особенности говоров старообрядческого ареала представлены по данным, собранным в д. *Лукино* (пункт 8 Атласа говоров к западу от Москвы) [ДАРЯ III]. Для Псковского областного словаря в разные годы лексика записывалась в дд. *Мехово*, *Остропята* Красногородского района; *Болотово*, *Козырево*, *Луцилы*, *Седуниха*, *Тряпль*, *Шлёпиха* Опочецкого района [Псковские говоры 1996, 114–162].

Предварительные наблюдения показывают, что в речи местных жителей всех поколений сохраняются отличительные фонетические, морфологические и синтаксические характеристики традиционного говора (напр., такие, как заударное оканье, редукция [y] > [ъ] в заударных неконечных слогах и во втором предупредном слоге; перфектные формы на *-лшы* типа *взялшы, забралшы*; несогласованные пассивы типа *нам земля была дан* и т.д.). Более всего “пострадал” лексический фонд говора, так что у местных жителей, выросших уже “при колхозах”, практически бесполезно спрашивать, например, о названиях традиционных сельскохозяйственных орудий, построек и под.

Общий ландшафт традиционной народной духовной культуры опочечких староверов является значительно более разрушенным и обедненным, чем у их современников в Литве.

ЛИТЕРАТУРА

- ДАРЯ Ш = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. В трех выпусках*, вып. III: *Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат*. Москва, 1996.
- Псковская область 1988 = *Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988)*, кн. 2: *Указатель*. Ленинград.
- Псковская область 1998 = *Псковская область: Топографическая карта*. Масштаб 1:200 000. Москва.
- Псковские говоры 1996 = *Псковские говоры и их носители (сведения об изучении псковской народной речи с 1945 г.)*. Псков.

*Р. Вайерманн, Я.-П. Лохер, Н. Морозова, О. Ровнова,
М. Родунер, Т. Привитзлли, В. Чекмонас
Берн–Вильнюс–Москва
Июнь 2002 г.*

А.К. Антонович — человек и ученый

Одна из брошюр серии *Партрэты Віленчукоў* [Луцкевіч, Войцік 2002] посвящена А.К. Антоновичу (1910–1980) — профессору Вильнюсского университета, проработавшему в нем 35 лет. Авторы брошюры подробно и с большим уважением к памяти ученого описали его жизненный и творческий путь, подчеркивая, что его деятельность явилась свидетельством того, что не только в довоенное время, но и в последующие годы Вильнюс сохранял значение одного из традиционных центров белорусской культуры.

В 1961 г. А.К. Антонович защитил кандидатскую диссертацию *Языковой анализ судовой (актовой) книги Ковенского земельного суда 1566–1567 гг.* и начал искать тему для новых исследований. В начале 60-х гг. белорусисты А. Журавский, Я. Станкевич и др. писали о большом значении для истории белорусского языка рукописей, написанных некириллическими алфавитами, особенно арабицей. Именно они и стали основным объектом изучения А.К. Антоновича, а публикации на эту тему принесли ему европейскую известность.

Много времени и сил отняло у А.К. собирание необходимого для исследований материала — тут и переписка с библиотеками, и личные контакты с семьями татар в Литве и на Беларуси, и конечно же — работа в архивах. Плодом многолетней и кро-